

ПРЕДИСЛОВИЕ СЕВЕРНЫЙ КAVKAZ КАК УРОК И КАК ПРИМЕР

■ Северный Кавказ — самый сложный регион Российской Федерации с точки зрения социально-экономического развития, осуществления государственного управления, а также обеспечения национальной безопасности. Упрощенный «диагноз» состоит из известных постулатов:

— регион представляет собою уникальную мозаику народов — «кавказскую цивилизацию», — существование которой мало понимают и недостаточно учитывают политики;

— кавказские народы были завоеваны Россией, которая «всегда плохо обращалась с ними»;

— конфликты и насилие проистекают от бедности местного населения и недовольства своим статусом, а также от радикальной «цивилизационной» отличительности северокавказцев от остальных россиян;

— в этом регионе Россия не имеет адекватной (продуманной, научной и т. п.) политики, кроме желания подавлять, интриговать и игнорировать назревшие проблемы.

После распада СССР, в ряде новых государств произошли вооруженные конфликты главным образом этносепаратистского характера. Война в Чечне была одним из таких конфликтов и, пожалуй, одним из самых жестоких и разрушительных по своим последствиям. Ее прямыми жертвами стали около 50 тыс. человек, причем, не только чеченцы, но и россияне других национальностей, включая местных русских жителей и военнослужащих. Идеология экстремизма и деятельность международных террористических организаций охватила не только Чечню, но и другие северокавказские республики. Террористические акты, как это произошло в г. Беслане 1 сентября 2004 г., потрясли не только страну, но и весь мир. Среди россиян в последние годы растут настроения неприязни в отношении выходцев из северокавказских республик. Часто эти граждане воспринимаются как нежелательные «чужаки» в других регионах страны. На этой почве возникают межэтническая напряженность и даже вспышки спонтанного насилия. Ультранационалисты шовинистического толка намеренно разжигают антикавказские настроения, а северокавказские экстремисты не прекращают свою антироссийскую пропаганду и другую деятельность. Уже более десяти лет Северный Кавказ воспринимается остальной страной как регион нестабильности, угроз и неразрешимых проблем.

Однако реальная ситуация в регионе достаточно быстро меняется. Традиция и перемены, драматические ситуации и нормальная и даже благополучная жизнь здесь часто идут рука об руку. Общероссийская культура и русский язык присутствуют повсюду, но в республиках сохраняются культуры и языки представителей местных национальностей. Сфера образования, особенно высшего, превосходит общероссийские показатели по количеству вузов и студентов на душу населения. Состояние здоровья жителей северокавказских республик лучше, чем в среднем по России, равно как показатели рождаемости и продолжительности жизни. Представители северокавказских народов больше всего представлены в республиканских и местных органах власти, сфере образования и обслуживания. Сохраняется традиция больших многонациональных коллективов промышленных предприятий. Активно действует частный бизнес, особенно мелкий и средний. Все большую свободу обретает религиозная жизнь: построены сотни новых мечетей и строятся десятки православных храмов. В целом это дает основания перестать говорить о Северном Кавказе, включая республики, как о «зоне бедности» и как исключительно о «проблемном регионе». Нельзя игнорировать позитивную практику, и не следует упускать возможность говорить об уроках для всей страны.

Этнокультурный облик

▪ Этнический состав населения Северного Кавказа и культура его народов формировались столетиями, хотя они никогда не были неизменными и всегда находились во взаимообогащающем контакте между собой и культурами соседей с юга и севера. На Северном Кавказе проживает сложное по своему этническому составу население, которое сохраняет языковую отличительность, некоторые традиционные системы хозяйствования и нормы социального поведения. Для большинства жителей России, в том числе и для нового поколения российских политиков, многое на Северном Кавказе кажется сегодня непонятным. Но так ли уж уникален этот регион и так ли уж радикально отличаются его жители от остальных россиян? Не слишком ли быстро забыта недавняя история страны, когда Владикавказ, Нальчик, Грозный, Теберда и многие другие города и маршруты были популярными в России местами как для работы, так и для проведения отпусков? Не припоминаются и особые жалобы советских людей (скорее, добрые слова) по поводу взаимоотношений с местным населением. В целом, *драматическая история, а тем более этнокультурный фактор не являются причиной проблем и конфликтов в регионе. Наоборот, в этнокультурной сложности населения и в его разнообразном хозяйственном и социальном опыте заключен обогащающий потенциал развития.*

Представители северокавказских народов прошли успешную модернизацию в рамках исторического российского государства. Особенно много для этнокультурного развития и национального самосознания дал совет-

ский период, несмотря на преступления сталинского режима и деформации позднесоветской эпохи. Современное население северокавказских республик представляет собой часть российского народа с выраженной российской идентичностью и лояльностью России как собственному государству. Все это сосуществует с этнокультурной идентичностью, широко распространенным двуязычием, живым проявлением народной культуры и обычаев. В последние годы культурный багаж северокавказцев наряду с общероссийскими и местными компонентами дополняется мировыми культурными потоками, которые обобщенно называются «западной» и «восточной» культурами. К этому особенно восприимчиво молодое поколение.

Среда и ресурсы

■ О природной среде и ресурсах региона чаще всего говорят в патетических тонах. На самом же деле Северный Кавказ не обладает богатыми природно-климатическими и минеральными ресурсами. Если не считать плодородные черноземы Ставропольского и Краснодарского краев, ресурсы осетровых каспийского побережья и скромные запасы нефти Чечни и Ингушетии, регион, особенно его горные и предгорные районы, ограничен в своих возможностях для современного эффективного хозяйствования. Климат той части Северного Кавказа, где расположены основные территории республик, не может считаться благоприятным и для агроэкономики. Особенно в горах и предгорьях людям в прошлом жилось трудно, постоянно происходили миграции на равнину, в том числе и за пределы региона.

Казалось бы, в силу этого обстоятельства, а тем более по причине утверждающихся законов рыночной экономики, жители северо-кавказских республик обречены жить беднее в индустриальной стране, и этот разрыв может только возрастать в новых условиях. Как в Канаде нефтяная провинция Альберта живет гораздо лучше, чем бедные ресурсами приморские провинции (ситуация аналогичная по большинству стран мира), так и в России богатые ресурсами Якутия, Коми, уральские и сибирские регионы, казалось бы, должны жить лучше, чем Северный Кавказ. А в самом регионе жители плодородных земель и промышленных районов должны жить лучше, чем жители гор и предгорий. По крайней мере, именно так обстоит дело в других регионах мира, от стран Андской группы в Латинской Америке до британской Шотландии, китайского Тибета и горных районов Вьетнама. И уж если северокавказские республики — это колониальная периферия России, объект эксплуатации местных народов, то, безусловно, последние должны жить хуже и иметь ниже статус, чем те, кто, видимо, должен относиться к «колонизаторам».

По официальной статистике ситуация, может быть, так и выглядит, и ей даже можно найти подтверждение, если сравнивать некоторые горные села Дагестана и Чечни с жизнью в других районах Северного Кавказа. Но в целом положение совсем другое, если сравнивать размеры жилых домов

и их обстановку, количество автомобилей и другие показатели качества жизни с другими районами страны. Достаточно посмотреть на современные балкарские, ингушские и чеченские поселки и сравнить их с селами где-нибудь под Рязанью, и становится ясно, что социальная реальность отличается от статистики и пропаганды. И это, пожалуй, самая главная загадка Северного Кавказа, неразгаданная политиками и учеными.

Северный Кавказ живет лучше, чем остальная Россия, если не считать нефтяные районы западной Сибири и недавний рывок мегаполисов — Москвы и Санкт-Петербурга по части жизненного благополучия. Потому что этот регион обладает самым мощным потенциалом — конкурентным человеческим материалом. Жизнь в небогатом ресурсами регионе, но в большой стране выработала среди представителей северокавказских народов особые качества предприимчивости и жизненной соревновательности за благополучие и за достойный статус. Несмотря на репрессии и ограничения в царские и советские времена, среди нерусских жителей региона сложились психология и поведенческие нормы, ориентированные на социальное преуспевание. Это нашло отражение в мощном стремлении к образованию, к предпринимательству, к пространственной мобильности.

В 1960–1980-е гг. северокавказские народы совершили разительный скачок по пути модернизации. Потрудившись в свое время на «шабашках», на рынках крупных советских городов и на ниве обслуживания курортников, они по навыкам оказались более подготовленными к рыночным реформам и к свободному стилю жизненного поведения. Подготовив в своей среде многочисленный слой научно-гуманитарной и творческой интеллигенции, эта часть населения страны оказалась и более отзывчивой к идеологической либерализации и к политическому рынку.

Образование и миграционная мобильность позволили значительно увеличить роль северокавказцев в общегосударственной жизни, особенно в политике, культуре, науке. Их московская диаспора (термин крайне условный, ибо северокавказцы — это такие же полноправные москвичи) по своему статусу и по влиянию стала явно значимее, чем у представителей нерусских народов Сибири и даже Поволжья, и уступает, пожалуй, только украинской, еврейской и армянской — более интегрированным в русскую культуру, а значит, и более «спокойным», и менее этнически консолидированным. Наконец, северокавказцам удалось избежать такой формы социальной деградации, как массовое пьянство, которое разрушает деревни и малые города в центральной России, Поволжья, Сибири.

Истоки нестабильности и беспорядка

▪ Жизненные успехи этой части населения страны стали результатом, прежде всего, их собственных усилий, и они заслуживают уважения и поддержки. Но здесь кроются и проблемы, породившие разрушительные кон-

фликты. Никто пока не обратил внимания на психологический сдвиг, который несет с собой даже относительное преуспевание и другие преимущества (вплоть до физического здоровья) одной части населения над другой. В последние годы среди части северокавказцев появилось пренебрежение к «русскому мужику», который живет беднее и часто не имеет вузовского диплома, как большинство кавказцев. А уж когда российское телевидение растиражировало чеченских воинов в доспехах, выставив им фон из растерявшихся «наших мальчиков» или истерзанных офицеров в армейской форме, то психологический комплекс превосходства еще более окреп. Это привело к ослаблению у части населения общегосударственной лояльности. Россию на Кавказе стали больше связывать с этническими русскими, причем, такой образ навязывается извне. В итоге *установка на то, чтобы реализовать свои преимущества на путях большей интеграции и более высоких статусных позиций в общероссийском пространстве, оказалась слабее, чем ставка на изоляцию и даже на «полный суверенитет» на этнической основе.*

Винить Москву в нынешнем кризисе на Северном Кавказе можно лишь отчасти, ибо не федеральные власти инициировали радикальный этнический национализм в регионе и выход граждан из правовых норм поведения вплоть до незаконного вооружения. Не Москва сочиняла разрушительные проекты территориально-административных переделов, антироссийские манифесты и декларации, проекты «кавказской конфедерации» и т. п. Наконец, не Москва осуществляла вооруженный переворот в Грозном и объявляла явочным путем о независимости.

Конечно, из Москвы, из Вильнюса, из дальнего зарубежья исходили дестабилизирующие воздействия, но если посмотреть внимательнее, то авторами этих планов в российском парламенте, среди офицеров бывшей советской армии и среди московской интеллигенции были, прежде всего, выходцы из северокавказских народов. Если, конечно, не считать небольшую часть радикальных политиков, веривших в исторический закон «национального самоопределения» и в революцию двойного отрицания (покончить как с коммунизмом, так и с «ненормальной» страной). К последним можно добавить и тех в Москве, кто, наоборот, полагал, что кавказцы понимают только силу.

Вина российских властей в том, что в ситуации распавшегося советского государства они не нашли точных слов и действий в отношении этого региона, позволили легко открыть двери военных арсеналов для гражданского населения, позволили уличным манифестантам свергнуть легитимную власть в Грозном, поддались искушению использовать внутригражданский конфликт в Северной Осетии в угоду радикальным националистам. Но не из Москвы прозвучали призывы к «национально-освободительным революциям», к восстановлению «исторической справедливости», «несовместимости совместного проживания» и т. п. Не в Москве формировались отряды боевиков, вооружались подростки, мобилизовывались женщины для осады воинских гарнизонов, изгонялись «некоренные» жители из своих

домов, принимались решения о невозможности совместного проживания. Северокавказские политики, общественные активисты, интеллигенция, религиозные авторитеты несут не меньшую ответственность за нынешний кризис в регионе, и уж тем более им, прежде всего, его и разрешать.

Пути к развитию и умиротворению

▪ Значительная ответственность за действия властей и рядовых граждан лежит на тех, кто формулирует идеи, программы и лозунги, вокруг которых происходит политическая мобилизация. От адекватности представлений, производимых интеллигенцией, зависит много, хотя интеллигенция редко оказывается среди исполнителей своих проектов, а тем более среди их жертв. На Северном Кавказе общественная мысль и наука тратят непропорциональные ресурсы на второстепенные для развития общества занятия, как-то: доказательства древности и уникальности каждого народа, их великие свершения или страдания, на подсчет и дележку культурных героев, на пропаганду нынешних «возрожденческих» доктрин и на поиск внешних врагов. Число историков, этнографов, языковедов в республиках на порядок больше, чем грамотных экономистов, политологов, правоведов, нужда в которых для обустройства общества и его реформирования гораздо значимее. *Общероссийский контекст и даже региональная общность, а также психология и частные интересы граждан изучаются слабо в сравнении с одержимостью по установлению групповых культурных различий, даже когда последние явно малозначимы.*

Именно в подобном интеллектуальном климате сформировались и процветают этно-коллективистские политические идеологии, за которыми исчезает отдельный человек, его интересы и повседневные контакты. Зато доминируют «межнациональные отношения», «национальные интересы этносов», за которыми явно проглядывают интересы тех, кто узурпирует право говорить от имени народа и навязывает ему свою волю. Со ссылками на «казачью традицию», на «мнение стариков», на «кавказский обычай», на «народную дипломатию», на «шариатский закон» и т. п. утверждается тоталитарная мораль в отношении прав отдельного человека и разрушается система общественного управления, которая в этом регионе уже многие десятилетия основана на европейской норме, на основе современной государственности.

Местные лидеры должны больше думать не о том, как переселить из стран Востока иностранцев адыгского происхождения или убрать памятники русским генералам, а как сохранить в республиках русских и русскую культуру, благодаря которым этот регион имеет целостный и европейский облик. Ключевой проблемой северокавказской политики является удержание так называемого нетитульного населения, особенно русских, от переезда с территории республик в другие регионы. Этот процесс уже обрел

почти необратимый характер. Однако при должных политических усилиях и ресурсах ситуация может и должна быть изменена. Даже возможен частичный возврат русского и другого нечеченского населения на территорию Чечни. Сдерживание эмиграции нетитульного населения и поощрение эмиграции титульного населения северокавказских республик в другие регионы страны должно стать одним из приоритетов внутренней миграционной политики.

Экономику Северного Кавказа поднять не просто, но ясно, что это — ключевая сфера для решения многих кризисных проблем и конфликтов. Главная проблема — это занятость молодого мужского населения, которое составляет значительную часть местного общества и поведение которого определяет во многом сегодняшнюю ситуацию. Наиболее трудный вопрос состоит в нахождении достойной работы для жителей сел и малых городов, где имеет место социальная маргинализация. Северокавказское горное село застряло между традиционным, полунатуральным хозяйством и коллективистской формой организации советского образца. Обе не отвечают современным условиям, а главное — запросам сельских жителей. Горы и предгорья скромно прокормить могут, но на современные телевизоры, холодильники и автомобили этих доходов не хватит, если это не хорошо налаженное традиционное художественное ремесло, которое может приносить неплохие доходы. Так, например, обстоит дело в некоторых абoriginalных общинах в странах Андского региона, Гималаев, в североамериканской Арктике. Поэтому модернизация предполагает движение с гор на равнину, а не наоборот. Этот процесс стимулируется и более высокой сельской рождаемостью.

Ответ можно искать в двух направлениях: *в ограничении роста горного села и в помощи его радикальному благоустройству, а также в организации частно-общинного типа пользования угодьями с ориентацией на частичную рыночную реализацию сельской продукции.* Тогда один-два сына в больших семьях могут оставаться в родных местах и продолжать занятия своих отцов, но только в лучших материальных условиях. Остальные все равно должны уезжать в город, ибо «целины» в горах уже давно не существует. Земля на Кавказе — это дорогой ресурс, за который идет постоянная конкуренция, в том числе и в равнинных районах.

На Северном Кавказе срочно нужна глубокая и продуманная земельная реформа с привлечением имеющегося мирового опыта. Без закрепления земли в частное владение здесь не обойтись, несмотря на давние традиции общинного пользования и на наследие советской коллективизации. Пока у кавказцев не будет во владении земля, которой они будут дорожить больше всего, реванш села над городом, в том числе в насильственной форме, будет происходить постоянно. Собственно, это и произошло в Чечне. Да и в Пригородном районе конкуренция за земельные участки лежала в основе конфликта. Будь земля в собственности местных жителей, едва ли местные ингуши позволили бы втянуть себя в провокационную деятельность заезжих агитаторов по смене над

местными сельсоветами республиканских флагов. Точно так же едва ли в головах кударцев и других осетин появилась бы установка через изгнание прибрать к рукам чужие участки.

Нуждается в особом подходе и политика урбанизации. Растущее трудоизбыточное население городов, не говоря о восстановлении разрушенного в ходе конфликтов хозяйства и инфраструктуры, — это проблема надолго, но она решаема. Иначе здесь будет постоянный источник нетерпимой бедности. Здесь лучше всего возможности у Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, где есть строительная индустрия, предприятия электроники и ВПК. Но в республиках возможна и успешно работающая малая промышленность, особенно на основе частной собственности. Однако частный бизнес и средний класс владельцев способны создать основу для политической стабильности, регионального рынка и приструнить надменность вооруженных авантюристов. Одни власти и их силовые структуры сделать этого не смогут.

Нужны межреспубликанские деловые связи и общие инфраструктуры, а не только верхушечные договоры о сотрудничестве. Но самое главное для экономики Северного Кавказа — это общероссийский рынок и Россия как поле предпринимательской деятельности. Горные туристско-оздоровительные комплексы Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии можно хорошо прорекламировать из Москвы и вложить в них деньги не менее успешно, чем в сибирскую нефть. *Нужно перестать третиловать северокавказское предпринимательство, а, наоборот, его поддерживать в общероссийском масштабе.*

Как строить управление

■ В нынешних условиях сложившаяся система федеративных образований в форме этнотерриториальных автономий (республик), а также существующие административные границы являются оптимальными и не подлежат изменению, кроме предстоящего определения нового статуса Чеченской Республики. В этом вопросе должны внедряться ряд новых доктринальных принципов:

— субъектом самоопределения являются все граждане республик, и только при обеспечении равноправия возможна особая поддержка культур и языков титульных народов;

— земля принадлежит тем, кто на ней проживает;

— исторические «аргументы» и насилие не могут служить основанием для определения или изменения границ и статусов образований;

— ряд горских общин с уникальными ремеслами или природно-ландшафтными ресурсами должны стать охраняемыми зонами с особыми системами местного управления и с программами государственной поддержки.

Актуальной проблемой является обеспечение правопорядка и снижение уровня преступности в регионе. Хотя роль традиционных институтов

социального регулирования в регионе достаточно значительна, она уже никогда не сможет заменить систему современного права, по которой жило несколько последних поколений и желает жить современное поколение граждан. Другое дело, что система правопорядка должна приблизиться к местному уровню и строиться на привлечении местных кадров, включая создание общинных милиций как части органов государственного и местного управления.

На Северном Кавказе возможно сосуществование государственной и традиционной правовых систем в качестве последней как дополняющей. Правовой плюрализм, который развивается во многих странах, в этом регионе может оказаться более эффективным, чем «единое правовое пространство».

Главное — это улучшение управления, а не административные переделы. В некоторых республиках уже имеются позитивные политические инновации в области коллективного правления и общинного представительства, хотя принцип этнических курий или партий имеет свои серьезные ограничители и может нести конфликтогенный потенциал. Так называемая «этническая правосубъектность» и политика, базирующаяся на коллективных правах, не являются ответом на проблемы правления в этом регионе. Поскольку возможных клиентов на подобную субъектность великое множество, определить их членство невозможно, а тем более воспользоваться действующими в стране законами, субъектом которых является прежде всего гражданин.

Более перспективным представляется отход от концепта коллективных прав, на котором строится нынешняя политическая идеология. В плане общественно-политического устройства более перспективно прекратить ориентацию на этнические корпорации, которые часто возглавляются отставными военными или проигравшими политиками и спонсируются криминальными деньгами. Не об абстрактном «уважении народов», «национальной гордости», «реабилитации», «возрождении» нужно заботиться, а об отдельных гражданах — старых людях, которые действительно пострадали в результате депортаций; молодых, которым негде работать и которых унижает милиция в российских городах только за их внешний облик и запись в паспорте.

Управление на Северном Кавказе может строиться только на основе: а) кросс-этнических политических коалиций (они, собственно говоря, существуют и действуют, несмотря на культурно-фундаменталистскую риторику экспертов-кавказоведов и общественных активистов); б) утверждения индивидуальных прав и гражданской правовой культуры; в) общедемократических норм выборности и регулярной смены власти; г) интенсивной подготовки нового поколения управленческих и правовых кадров, в том числе из числа женщин и молодежи.

В последнее время проявилась еще одна негативная черта этнического национализма в сфере северокавказской политики. Делается попытка превратить в неких самостоятельных агентов российской политики мифи-

ческие «мировые диаспоры» типа адыгской (черкесской) или какой-либо другой. Именно от имени «мировых адыгов» в российской прессе были напечатаны заявления по поводу величия и несменяемости действующего руководителя Республики Адыгея, а дискуссия по поводу целесообразности или нецелесообразности повторного вхождения республики в состав Краснодарского края была представлена как некий зловещий заговор против адыгов. История уже знает примеры, когда эмигрантские сообщества превращали в политических заложников страны или регионы своего первичного исхода, делая это или в интересах геополитических соперничества или под режиссуру местных начальников, которым хочется быть еще и мировыми этническими вождями. Эта линия должна всячески пресекаться в вопросах государственной организации и управления, если речь идет о суверенном государстве.

Культурная перспектива

■ Северный Кавказ — развитый в культурном отношении регион страны. Здесь высокая концентрация учреждений профессиональной культуры и высшего образования, а также научных кадров. Доля людей с высшим образованием и студентов вузов среди представителей нерусских народов выше, чем в среднем по стране (ниже среднего только у чеченцев и у некоторых народов Дагестана). В северокавказских республиках сложилась система многокультурного образования при доминирующей роли русского языка обучения. Старые и новые попытки навязать здесь систему так называемых «национальных школ» встречают сопротивление рациональной стратегии родителей и самих молодых людей, и нет смысла энтузиастам «национального возрождения» утверждать ложный комплекс неполноценности в отношении языковой ассимиляции или многоязычия.

Однако за последние годы из-за экономических трудностей, конфликтов и ксенофобии снижается число студентов из числа нерусских северокавказцев в ведущих вузах страны, в том числе в вузах Ростова, Ставрополя и Краснодара. Часть молодых людей предпочитает уезжать в Турцию и другие страны для получения религиозного образования. Улучшить ситуацию возможно не столько по линии увеличения числа студентов, сколько за счет более широкого рекрутирования студентов в московские и другие ведущие вузы страны, особенно на экономические, правовые, медицинские, технические специальности.

При всем при этом основные ресурсы местных администраций, предназначенные для культурного производства, могут и должны быть направлены на сохранение и воспроизводство местных этнокультур, ибо нигде больше именно эти культуры (осетинская, кабардинская, чеченская и т. д.) не имеют возможности получать поддержку из средств налогоплательщиков. Что обязаны делать республики, так это более щедро снабжать данной

культурной продукцией своих соплеменников и всех интересующихся за пределами самой республики. Хотя бы как это научился делать Татарстан с татарской культурой. Одними московскими декадами эту деятельность ограничивать невозможно. Возможно, нужен общероссийский телевизионный канал для демонстрации российского, включая северокавказское этнокультурное многоцветие.

Наконец, в последние годы личные и групповые ресурсы граждан и частных корпораций, а также местных сообществ позволяют осуществлять культурное производство и без государственной поддержки или же существенно дополнять последнюю. В Дагестане и в других республиках преуспевшие выходцы из определенной местности или этнической среды охотно поддерживают написание истории сел и фамилий, этнических групп, помогают создавать музеи и развивать художественные промыслы и ремесла, поддерживают фольклорные коллективы и научные исследования. Это процесс необходимо поддерживать и, по возможности, регулировать, чтобы он обогащал и не разъединял россиян, вселял в них гордость и уверенность. И чтобы остальная страна знала больше о народах и культурах Северного Кавказа.

Глобальный контекст

■ Северный Кавказ оказался самым невезучим регионом России с точки зрения воздействия инерции холодной войны и новых геополитических соперничеств. Годившийся в условиях эйфории от либеральной победы Запада интригующий проект второго круга дезинтеграции постсоветского пространства за счет России как новой «мини-империи» нашел много энтузиастов среди политиков, международной бюрократии и научного сообщества, в том числе и в среде новых соседей России, где ощутимо желание наказать бывшего «старшего брата». В осуществление этой идеи вкладываются интеллектуальные и материальные ресурсы, а также академические амбиции.

Геополитическая спешка прослеживается даже в языке и визуальных образах. В официальных документах Европейского союза применительно к Северному Кавказу господствует заимствованное из бытового российского языка клише «Россия и Кавказе» или «агрессия России на Кавказе». Поддержка вооруженного чеченского сепаратизма демонстрировалась на уровне чуть ниже официального во многих странах, в том числе и тех, кто официально признает принцип уважения территориальной целостности. Террористическая деятельность чеченских боевиков осуществлялась при материальной и моральной поддержке радикальных исламистских сил и международных террористических структур. И это уже новый вызов национальным интересам России, в том числе и северокавказскому сообществу.

В 1999 г. группа независимых российских экспертов опубликовала

доклад «Пути мира на Северном Кавказе», который был позитивно воспринят местной общественностью и федеральными политиками. Президент В. В. Путин в феврале 2000 г. встречался с авторами доклада в здании Президиума Российской академии наук. Рекомендации доклада и высказанные предложения были восприняты позитивно и реализованы, особенно в части, касающейся политики в Чеченской Республике. Значительная часть этих рекомендаций сохраняет свою силу и по сегодняшний день. В том числе и рекомендация в адрес политиков, чиновников и общественных активистов, которые живут и работают на Северном Кавказе или находятся там временно по долгу службы, или принимают решения в отношении данного региона, лучше знать и больше учитывать этническую специфику, традиции и образ жизни местного населения. Именно в целях реализации данной рекомендации группа ведущих российских ученых подготовила данное пособие об этнокультурном облике и современных проблемах Северного Кавказа.